

Небольшое пояснение: После прочтения первых пяти глав я поняла, что они слишком сырые, ритм нарушен, поэтому я буду перерабатывать каждую главу. Спасибо всем за понимание.

В пустыне Сайбэй два войска сражались несколько месяцев, и в лагере армии Да Юн постоянно приходили радостные вести.

Близко к месту боя в толстом слое песка был воткнут флаг командующего, на полотнище которого был изображён мощный иероглиф «Хо». В этом месте всегда дул сильный ветер, и флаг развевался на ветру, излучая неопишемую энергию.

Сейчас только что прошло полуденное время, солнце палило нещадно, а ветер разгулялся вовсю. Однако издали голоса людей перекрывали шум ветра, смешиваясь со звуками ударов железа. Солдаты Да Юн и тюрки сражались яростно, но солдаты Да Юн понимали, что победа уже близка.

Как говорится, по аромату пудры можно узнать женщину, тонкий запах орхидеи принадлежит девушке из знатного дома, свежий аромат камелии — деревенской девчонке, а резкий запах — уличной девке. На поле боя все были охвачены яростью, кричали до хрипоты, и только по доспехам можно было определить звание.

В центре войска стоял чёрный конь с железными подковами, оставляя глубокие следы. На спине коня сидел мужчина с суровым лицом, и даже его нахмуренный лоб излучал не зло, а скорее гнев и величие, без тени коварства.

Он был облачён в тёмно-золотые доспехи, нагрудное зеркало которых отражало свет, делая его фигуру ещё более яркой. В момент напряжения он поднял в руке тёмно-синий шарф, который развевался, подчёркивая его статус главнокомандующего.

Впереди сражался молодой человек в серебристо-серых доспехах. Его лицо было забрызгано кровью, что скрывало часть его привлекательности, но его ярость в бою была неукротимой, демонстрируя всю его храбрость.

На его руке был повязан красный шарф, который ярко выделялся на фоне жёлтого песка, добавляя тепла холодному блеску доспехов. Звук меча, вонзающегося в живот, сопровождался всплеском крови и липким хлюпаньем разорванных внутренностей. Когда меч вытащили, ветер подхватил кровь, и лезвие стало тяжелее на полдюйма.

Битва была в самом разгаре, но этот удар заставил всех вокруг замереть. Оказалось, что тюркский генерал был пронзён насквозь. Как говорится, чтобы победить врага, нужно сначала обезглавить его вождя. С гибелью лидера войска начали паниковать, но это было ещё не всё. Тюркский генерал был обезглавлен одним ударом меча.

В Сайбэй ходили слухи, что молодой генерал из семьи Хо в Да Юн любил отрубать головы. В каждой битве он обязательно снимал голову врага и демонстративно показывал её. Вот и сейчас свежая голова, словно кровавый шар, была подвешена к его седлу, как будто это был просто кулон.

Ветер в Сайбэй не прекращался, но песок стал меньше, и он не мог развеять кровь, смешанную с грязью. С гибелью командира оставшиеся солдаты поняли, что проиграли, и все, кто мог двигаться, поспешно бежали.

Победа была одержана, и главнокомандующий поднял руку:

— Пленных в лагерь!

Приказ был отдан, и все, будь то раненые, уставшие или едва живые, должны были кричать, чтобы выпустить оставшуюся ярость. Однако заместитель командующего с красным шарфом не стал этого делать. Сжав губы, он молча прищпорил коня и бросился преследовать бегущих.

— Хо Линьфэн! — крикнул главнокомандующий, но тот не остановился.

— Стой! — снова крикнул он, но увидел лишь удаляющуюся фигуру, которая скоро превратилась в маленькую точку.

Конь Хо Линьфэна ступал по крови, пока он преследовал беглецов на протяжении семи-восьми ли, держа меч в руке, а голова на седле подпрыгивала, создавая иллюзию жизни. Впереди он увидел группу из тридцати четырёх беглецов, которые, заметив его, остановились, чтобы дать последний бой.

— Тпру! — Хо Линьфэн остановился в тридцати шагах от них.

Видимо, он разогнался, поэтому снял шлем, обнажив потное лицо, высокий хвост и всю свою ярость. Он вытер лицо, и кровь на висках размазалась, источая резкий запах.

Группа беглецов, оказавшаяся в безвыходной ситуации, подняла мечи и крикнула:

— Вперёд! Убьём его!

Но в их глазах читалось: «Я готов умереть».

Хо Линьфэн смотрел на них взглядом, полным презрения, затем легко прыгнул, коснувшись носком ноги головы коня. Он знал, что чем позже он вернётся, тем больше разозлится главнокомандующий, поэтому нужно действовать быстро.

Он действовал с преувеличенной жестокостью, используя свои лучшие приёмы. Золотой свет и искры подняли в воздух облако песка, а он, словно владыка ада, одним ударом меча лишил жизни всех вокруг. Кроме ветра, все звуки были уничтожены его мечом.

В бескрайней пустыне Сайбэй ветер дул в лицо. В один момент слышались крики и стоны живых, в следующий — мёртвые были погребены под песком. Повернув коня, он оставил позади только кости, которые тоже скоро исчезли.

Возвращаясь в лагерь, он проезжал через поле боя и начал напевать мелодию, глубокую и печальную, безмянную песню скорби. После каждой битвы, независимо от исхода, он пел эту песню, чтобы утешить души павших воинов.

Когда песня закончилась, он поскакал обратно в лагерь. Вдали у входа в лагерь он увидел главнокомандующего, стоявшего в полной боевой готовности. Несколько солдат ждали у ворот, схватили его за ноги и стащили с коня.

— Эй! — простонал он, когда его подвели к главнокомандующему.

— Я готов принять наказание, — первым делом он признал свою вину, надеясь на смягчение приговора, затем добавил:

— Я больше так не буду.

Главнокомандующий Хо Цзинхай, старший брат Хо Линьфэна, был спокоен, как скала в море, и непреклонен:

— Как заместитель командующего, разве ты не знаешь, что нельзя преследовать отступающего врага?

Признание вины не помогло, и он был непреклонен:

— За нарушение приказа по военному уставу положено шестьдесят ударов палкой.

Теперь Хо Линьфэну оставалось только покорно принять наказание. Если бы он мог выбрать снова, он бы всё равно преследовал врага. Он начал читать книги о военном искусстве, как только научился читать, а в тринадцать лет впервые вышел на поле боя. К этому моменту он забрал больше жизней, чем съел пищи. Если он решился преследовать, то готов был и ответить за это.

Его слегка ослабили, сняли доспехи и одежду, обнажив мускулистое тело, покрытое старыми шрамами. Он лёг, чтобы принять наказание. После десяти ударов появились красные полосы, после тридцати — вздутия, как маленькие холмики, а после шестидесяти, если бы не его навыки боевых искусств, его тело превратилось бы в кровавое месиво.

Хо Линьфэн не издал ни звука от боли, но в его глазах читалась обида, и он украдкой бросил взгляд на Хо Цзинхая.

Эта жестокая битва длилась полгода, с перерывами, и количество погибших и раненых было неисчислимо. После этой победы немедленно отправили гонца к императору Да Юн с сообщением, что беспорядки на границе подавлены. Император, прочитав сообщение, обязательно отправит ответ с наградами.

Придётся ждать, спешить некуда. Хо Линьфэн, который до этого был свирепым тигром на поле боя, теперь, когда наступил мир, сразу превратился в ленивого повесу. Он провёл три дня в палатке, залечивая раны, и солдаты уже устали от его прихотей.

Когда раны зажили, он наконец согласился надеть одежду — тёмно-синий, почти чёрный, обычный наряд с правым запахом, узкими рукавами и вышивкой по краям, с тёмным головным убором. Он привёл себя в порядок и выглядел как настоящий «красавец».

Он вышел из палатки в поисках Хо Цзинхая.

— Старший брат, — его обида и злость уже прошли, и он обратился к брату с теплотой, — поехали домой!

Братья поскакали к городу, где их встретила толпа горожан, создавая атмосферу праздника. Хо Линьфэн устал от внимания:

— Старший брат, я пойду вперёд.

Он оставил брата и поспешно ускакал.

Сайбэй был обширен, и в городе дома стояли тесно, а улицы казались бесконечными.

— Тпру!

На широкой улице Хо Линьфэн слез с коня, поднялся по трём ступеням из серого камня,

прошёл мимо резных колонн и ответил на приветствие охраны, затем вошёл в широкие ворота.

Над воротами висела чёрная деревянная табличка — Дом маркиза Динбэя.

Внутри маленькой комнаты старый привратник высунул голову:

— Уф! Молодой хозяин не ранен, мне нужно пойти помолиться!

Хо Линьфэн прошёл мимо, услышав это, и обернулся, словно шутливый мальчишка, жаждущий пожаловаться:

— Шестьдесят ударов палкой только что зажили, старший брат лично следил за этим.

Остальное он не расслышал и прошёл через передний двор, остановившись у дерева магнолии, которое росло у крытой галереи. Дерево было высоким, и его бутоны только начали распускаться, излучая жизненную энергию, а верхние ветви касались карниза. После того как он полюбовался магнолией, он вошёл в главный зал, вышел через боковую дверь и откинул тяжёлую занавеску, которая ещё долго качалась.

Подметающие, поливающие, слуги и служанки, увидев его, остановились и почтительно поздоровались:

— Молодой хозяин.

Пожилая служанка, заметив его, воскликнула:

— Ох!

Преувеличенное «маленькое сокровище» не успело сорваться с её губ, как он уже прошёл мимо, и она, потирая грудь, вздохнула:

— Старею, глаза уже не те!

Дом маркиза был глубоким, и главный зал был скрыт, как знатная девушка за высокими воротами. Переступив ещё один порог, Хо Линьфэн быстрым взглядом окинул зал.

— Отец, — дверь была открыта, и его голос разнёсся по всем углам, — отец, я вернулся.

Увидев человека, он почтительно добавил:

— Отец.

В зале толстый ковёр с тёмным узором заглушал звук шагов, а медная жаровня с четырьмя жабами испускала дым, который вился, словно жабы готовились вознестись на небо. На столе лежали куски воска, кожа оленя и средство для чистки мечей.

На стуле у стола сидел человек, державшийся с некоторой важностью, но в основном излучавший власть.

[Авторское примечание: После прочтения первых пяти глав я поняла, что они слишком сырые, ритм нарушен, поэтому я буду перерабатывать каждую главу. Спасибо всем за понимание.]